

До того карнавала в День дождя Хуай Янь был убеждён в собственной эмоциональной глухоте. Его ни к кому и никогда не тянуло, а над знакомыми, потерявшими голову в омуте чувств, он лишь посмеивался. В его глазах ослеплённый любовью человек неизбежно становился глупцом.

Становиться глупцом он категорически не желал. Однако вскоре выяснилось, что и он — обычный смертный, причём настолько банальный, что сдал все позиции за какие-то пару дней.

Светало. Сквозь щель в шторах просачивалась блёклая полоска утреннего света, но в гостиничном номере всё ещё царил полумрак. Тянувшая боль ниже пояса напрочь отбивала желание открывать глаза.

Прежде он не задумывался о распределении ролей в постели, сводя всё к простому разделению на ведущего и ведомого.

Однако прошлым вечером, столкнувшись с напором Чжу Чэньюаня, он лишь ненадолго попытался воспротивиться, после чего сдался — будь что будет.

Опыта у Чжу Чэньюаня, судя по всему, не было вовсе. И пусть тот действовал невероятно осторожно, Хуай Яню всё равно пришлось несладко.

Мужская природа требовала доминирования, и Хуай Янь не составлял исключения. Даже снизу, на простынях, он жаждал равного поединка.

Ему нравилось наблюдать, как Чжу Чэньюань теряет самообладание: сдержанные, отстранённые черты лица искажались, глаза сужались, а в их глубине зрело жерло готового вырваться вулкана.

Это выглядело чертовски притягательно и сексуально.

Пусть даже расплатой за это зрелище становилась дикая боль.

Позже, когда он находился в полузабытии, Чжу Чэньюань вызвал обслуживание номеров. Горничная сменила испятнанные простыни и пододеяльник на сухие и свежие. Чжу Чэньюань прижал его лицо к своей груди — жестом чистой защиты, так что уборщица вряд ли смогла разглядеть его черты.

А потом он так и уснул, уткнувшись носом в его грудь.

Стоило Хуай Яню шевельнуться, как всё тело отозвалось глухой, ноющей ломотой. Можно было

даже не смотреть: на коже не осталось живого места.

— Проснулся?

Чжу Чэньюань не сводил с него глаз. Хуай Янь всё ещё не размыкал век, но дрожащие ресницы выдавали его с головой.

Хуай Янь поджал губы и тихо, сипло отозвался. Этот хриплый звук, подобно кошачьим коготкам, опять едва не сбил Чжу Чэньюаня с нарезки.

Впрочем, тот сдержался — лишь приник к его губам, а затем перебрался к мочке уха.

Хуай Янь от дискомфорта попытался повернуться на другой бок, но поцелуи Чжу Чэньюаня скользнули дальше, за ухо, к затылку. Он слегка прикусил кожу и стал мягко поглаживать её кончиками зубов.

Хуай Янь знал: ровно там, на загривке, находилась его родинка.

Несмотря на безумие прошедшей ночи, из хаоса воспоминаний вырисовывалось несколько чётких деталей. Чжу Чэньюаню безумно нравилось целовать его шею, и он, казалось, жаждал сгрузнуть эту маленькую родинку с его кожи.

Каждый раз, когда Хуай Яню казалось, что Чжу Чэньюань окончательно потеряет разум и прокусит ему артерию, он чувствовал, как тот изо всех сил сдерживает себя. В итоге прерывистое дыхание сменялось лишь касанием горячего, влажного языка да лёгким, дразнящим сжатием зубов.

«Два животных в гоне», — мысленно усмехнулся Хуай Янь.

— Сян Мо, я рассказал тебе о нашем первом и втором разе. Ты хоть что-то чувствуешь? Неужели у тебя никогда не возникало сомнений насчёт собственной памяти?

Вернувшись в реальность, Хуай Янь ощутил, как тяжесть этих воспоминаний камнем давит на грудь. В глазах жгло от подступающих слёз. Он смотрел на окаменевшую спину Сян Мо, ожидая ответа.

— Я хочу отвезти тебя к лучшему нейрохирургу, пройти полное обследование головного мозга. Ты поедешь со мной?

Сян Мо долго молчал. Так ничего и не ответив, он повернул дверную ручку и вышел из спальни.

Притворяя дверь, он, кажется, едва слышно прошептал: «Доброй ночи». И добавил: «Хорошо». Хуай Янь не был уверен, не ослышался ли он.

За эти три года Хуай Яню не раз казалось, будто Чжу Чэньюань жив — безумные иллюзии отчаяния.

Но теперь иллюзия оказалась правдой, и реальность обернулась не такой уж жестокой: Чжу Чэньюань действительно был жив. Он просто забыл его.

И всё же Хуай Янь остро чувствовал: все подсознательные порывы Сян Мо — это инстинкты Чжу Чэньюаня.

— Чжу Чэньюань, — произнёс Хуай Янь сквозь закрытую дверь. — Ты всё равно меня любишь. На уровне инстинктов...

Сян Мо, застывший по ту сторону двери, вздрогнул. От этих слов по его телу словно прошёл мощный разряд тока.

Ночью приступ головной боли накатил с новой силой. На этот раз всё было иначе: Сян Мо не пытался судорожно воскресить в памяти прошлое, не прокручивал чёткие, гладкие воспоминания. Он лишь думал о словах Хуай Яня.

Казалось бы, всё сказанное относилось к абсолютно чужой жизни. Однако приступ всё равно скрутил его — да так жестоко, как никогда прежде. Будто в череп вонзился раскалённый клинок, проворачиваясь в мягких тканях и превращая мозг в онемевший, пропитанный одной лишь болью сгусток.

Ни мыслей, ни чувств. Только дикая, невыносимая мука.

Сян Мо корчился на раскладушке. Он тяжело перевернулся на бок; хилая металлическая конструкция жалобно заскрипела, и этот звук, подхваченный оголёнными нервами, отозвался в ушах хлестким ударом кнута.

Минуло несколько минут — а может, всего пара секунд, — прежде чем омертвевший разум вновь подал признаки жизни.

Сян Мо не хотел будить человека в спальне и тем более не желал, чтобы Хуай Янь увидел его в таком состоянии. Превозмогая боль, он упёрся руками в матрас и поднялся.

Нужно было принять лекарство.

Перед глазами всё плыло. Очертания дивана и стен искажались, ползли в стороны. Дыхание становилось всё тяжелее, к глазам подступала густая тьма.

К счастью, пузырёк с таблетками лежал в выдвижном ящичке журнального столика. Ослабевшие пальцы Сян Мо едва справлялись с крышкой. Когда та наконец поддалась, скользкий флакон выскользнул из ладони и грохнулся на пол. Белые таблетки раскатились по паркету.

Упав на колени, Сян Мо наощупь нащупал одну таблетку, запихал её в рот и проглотил сухую. Он сделал несколько судорожных глотков, выжимая слюну, чтобы протолкнуть её дальше по пищеводу.

Но препарат не помогал. Сян Мо сгрёб с пола ещё одну капсулу, проглотил — никакого эффекта. Изображение перед глазами двоилось и шло пятнами. В конце концов он потерял счёт тому, сколько именно таблеток отправил в рот.

Лишь когда боль наконец начала отступать, силы окончательно оставили его, и он плашмя рухнул на пол.

«Ну надо же, — промелькнула смутная мысль. — Пропал. Не от мигрени загнулся, так от передозировки».

В судорожном взмахе рукой он задел стоявший на краю столика стакан. Белоснежная керамика с глухим стуком ударилась об угол и разлетелась на мелкие осколки.

Перед тем как окончательно провалиться в небытие, он ощутил, как в угасающем сознании вспыхнула последняя мысль:

«Только бы Хуай Янь не поранился о фарфор... Надо было смахнуть что-то мягкое».

Он мысленно усмехнулся. Должно быть, это и есть та самая интуитивная память, о которой говорил Хуай Янь.

Инстинктивная любовь.

Значит... он действительно Чжу Чэньюань?

Хуай Янь слышал скрип раскладушки за дверью, но сперва не придал этому значения. Однако вскоре до него донёлся звон бьющейся посуды, и игнорировать происходящее стало невозможно.

Только он никак не ожидал увидеть подобную картину. Гостиная утопала в хаосе: Сян Мо без чувств лежал между раскладушкой и журнальным столиком, а вокруг белели россыпи таблеток и острые осколки фарфора.

— Сян Мо! Сян Мо! — Хуай Янь подскочил к нему и потянул на себя.

Лицо мужчины было бледным как полотно, губы обескровлены, а волосы и одежда пропитались холодным потом. На оклики он не отзывался.

Хуай Янь немедленно вызвал скорую помощь. Сян Мо доставили в больницу и срочно промыли желудок.

— Суицид? — спросил дежурный врач с таким видом, будто видел подобное сотни раз. — Что именно он принял?

— Это не попытка самоубийства. Скорее всего, передозировка по ошибке, — ответил Хуай Янь. Он был убеждён, что Сян Мо не стал бы сводить счёты с жизнью. Но о том, что это за препараты и для чего они предназначены, он не имел ни малейшего понятия.

Уходя из дома, Хуай Янь прихватил с собой флакон и несколько оставшихся таблеток. Он достал их и показал врачу. Тот крутил пузырёк в руках некоторое время, после чего лишь покачал головой: без химического анализа определить состав невозможно.

Хуай Янь убрал лекарство обратно в карман. Он намеревался провести экспертизу своими силами.

К счастью, после промывания желудка Сян Мо быстро пришёл в себя. Однако последствия жесточайшего приступа полностью лишили его сил: едва бросив короткий взгляд на Хуай Яня, он снова провалился в тяжёлый сон.

Врач повторно осмотрел пациента и заверил, что прямой угрозы жизни нет, но организм крайне истощён. Понадобится несколько дней стационарного наблюдения, после чего его можно будет выписать.

Хуай Янь не стал оставлять Сян Мо в больнице улицы Миинь. Он уже созвонился с доктором Лу Ечи из Центральной больницы Подземного города, и в отделении нейрохирургии экстренно подготовили всё необходимое для обследования высшего уровня.

Машина скорой помощи, отправленная Ци Еляном, вскоре прибыла к больнице улицы Миинь.

Сопровождавшие её врачи оформили передачу пациента, Сян Мо погрузили на реанимационную каталку, и Хуай Янь вместе с ним направился прямо в Подземный город.

Хуай Янь помнил, что на верхнем этаже местной больницы всё ещё находится Чи Юньсинь. Однако в сложившихся обстоятельствах рассчитывать на помощь Сян Мо завтра утром не приходилось.

Поэтому он поручил Ци Еляну выделить людей для контроля ситуации, чтобы гарантировать безопасность Чи Юняня и его брата Чи Юньсиня, а также организовать их дальнейшее лечение.

Лу Ечи уже получил снимки флакона и таблеток, отправленные Хуай Янем. Сверившись с базой данных фармацевтического реестра Подземного города, он подтвердил: подобный препарат не числится в официальном обороте. С высокой долей вероятности это был кустарный или подпольный аналог.

Его вердикт совпал с мнением предыдущего врача — точный состав покажет только детальный анализ.

По дороге Сян Мо на мгновение очнулся. Едва разомкнув веки, он тихо позвал:

— Хуай Янь...

— Я здесь, — Хуай Янь мягко, но крепко перехватил его запястье, заставив опустить руку обратно. — Не дёргайся, у тебя катетер.

Осознав, что находится в движущемся автомобиле, Сян Мо некоторое время рассеянно вглядывался в окружающую обстановку, после чего спросил:

— Куда мы едем?

— В Центральную больницу Подземного города, — не стал скрывать Хуай Янь. — Тебе промыли желудок из-за передозировки. Я хочу отвезти тебя туда и провести полное обследование головного мозга. Ты согласен?

Дыхание Сян Мо оставалось тяжёлым, но он податливо кивнул:

— Хорошо. Я поеду с тобой.

— Что за таблетки ты принял? — спросил Хуай Янь.

Сян Мо посмотрел на него:

— Лекарство от головной боли.

В этом взгляде застыло то самое выражение, с каким на него всегда смотрел Чжу Чэньюань — глубокая, идущая из самых глубин прошлого нежность и абсолютная серьёзность.

У Хуай Яня прервалось дыхание:

— Ты... ты всё вспомнил?

Сян Мо прикрыл глаза и горько усмехнулся:

— Нет. Но ощущения... они со мной. Наверное, это и есть те самые инстинкты.

На самом деле Сян Мо и раньше сомневался в собственных воспоминаниях. По крайней мере, во всём, что касалось событий трёхлетней давности. Когда он пытался восстановить прошлое, то ощущал полную эмоциональную глухоту — будто разглядывал длинный плоский свиток с чужими рисунками, который насильно затолкали ему в череп.

Однако стоило Хуай Яню упомянуть об их первой и второй ночи с Чжу Чэньюанем, как грудь сдавливала невыносимая боль, от которой перехватывало дыхание. словно вся отчаянная страсть того прошлого оживала прямо внутри его тела.

Чужие, казалось бы, эмоции вихрем захлестнули его с головой.

Сян Мо зажмурился, но тут же снова разомкнул веки:

— Похоже... я и вправду Чжу Чэньюань. — Он немного помолчал и добавил: — Впрочем, сделаем обследование — тогда и увидим.

— Не «похоже» и не «вправду», а сомневаться не приходится, — глаза Хуай Яня увлажнились.
— Я никогда в жизни не спутаю своего человека с кем-то другим.

<http://bllate.org/book/20433/2132374>